

КОНЦЕПЦИЯ ГЕРОЯ В РУССКОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ МАЛОЙ ПРОЗЕ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ

Исаева Юлия Павловна,

*преподаватель Джизакского государственного педагогического
университета им. А.Кадыри, Джизак, Узбекистан*

Аннотация. В статье осуществлен анализ трансформации концепции героя в художественном пространстве русской постмодернистской малой прозы рубежа XX–XXI веков. Исследованы механизмы децентрации, дегероизации и аннигиляции субъекта в русском художественном дискурсе, обусловленные гносеологическим пессимизмом эпохи. Рассмотрены ключевые нарративные стратегии: интертекстуальность, онимическая деструкция (лишение героя имени собственного), разрушение линейного хронотопа и симуляция сюжетного события. Особое внимание уделено деформации идентичности персонажа в условиях избыточной семиотизации текстового пространства.

Ключевые слова: постмодернизм, малая проза, децентрация, дегероизация, симулякр, интертекстуальность, онимическая деструкция, хронотоп, смерть субъекта.

Современный литературный процесс разворачивается в рамках активного взаимодействия различных эстетических систем, среди которых важное место занимает «постмодернистская парадигма, репрезентирующая принципиально новые трактовки категории героя» [1, с. 141]. Кризисные явления эпохи, ставшие предпосылками формирования постмодернизма, радикально отразились на структуре художественного образа. Постмодернистскому персонажу имманентны отсутствие четкой мировоззренческой платформы, отказ от метанарративов и тотальная дезориентация в информационно перенасыщенном, изменчивом

пространстве. Постмодернистское умонастроение несет на себе печать глубокого разочарования в идеалах Возрождения и Просвещения с их верой в телеологический прогресс, триумф рационализма и безграничность человеческих возможностей.

Генетически связанная с деконструкцией советских идеологем, малая проза рубежа XX–XXI веков унаследовала специфику вхождения русскоязычной литературы в постмодернистский контекст, который не стал линейным продолжением западноевропейской традиции. Предтечей этого феномена во многом выступил сам соцреализм, содержащий, при всей эксплицитной идеологизации, латентные черты авангардного искусства — устремленность в утопическое будущее и симуляцию действительности. Непосредственной почвой для развития постмодернистских стратегий в малой форме стало русское андеграундное движение второй половины XX века (прежде всего, соц-арт и концептуализм).

Эклектизм как имманентное свойство постмодернистского письма обуславливает диффузию жанрово-стилевых признаков и размывание субъектной структуры: герой утрачивает функцию организующего ядра фабулы. В жанровой матрице рассказа данный процесс дегероизации манифестируется через замещение целостного характера интерсубъективным, дезориентированным персонажем. Постмодернистский дискурс фиксирует социокультурную тенденцию к нивелированию антропологического начала, детерминированную кризисом классической идентичности. Несоответствие между метафизическими исканиями субъекта и его онтологической уязвимостью в симулякризованной реальности порождает художественный мир, полностью свободного от антропоцентризма.

Эстетика постмодернизма актуализирует концепцию фрагментарного, расщепленного сознания. В пространстве рассказа внешние границы действия редуцируются, смещаясь в плоскость дискретного восприятия персонажа. Постмодернистская рецепция полностью отвергает

классическую модель автономного, рационально мыслящего индивида. Его способность к телеологическому преобразованию действительности сводится к нулю ввиду тотального гносеологического скептицизма.

Характерной нарративной стратегией малой прозы становится тотальная интертекстуальность: перманентное цитирование персонажами чужих высказываний и знаковых систем лишает их аутентичной идентичности. Демонстрируя игровой интеллектуализм, они превращаются в центонные конструкторы, собранные из гетерогенных культурных кодов. Репрезентативным примером такой трансформации на рубеже веков является малая проза В. Сорокина (в частности, рассказы из сборника «Пир», 2000 г.). В них традиционные структуры характера и классические текстовые коды деконструируются, сводя личность героя к радикальному соматическому уровню и чистому языковому конструктору. Интеграция постмодернистского дискурса в поле массовой культуры приводит к диффузии эстетических регистров, что отражается на онтологической дробности создаваемых художественных миров. В структуре литературного характера это выражается в редукции метафизического начала и актуализации соматического уровня — фиксации на биологических импульсах и чувственных, перформативных актах. В упрощенных рецептивных моделях постмодернистский инструментальный за частую редуцируется до средства деструкции традиционных аксиологических устоев и манипулирования сознанием персонажей.

Деконструкция антропоцентрического ядра приводит к переориентации смысловых акцентов текста, в результате чего традиционное сюжетное событие симулируется или замещается процессом тотальной языковой игры. Эта стратегия наглядно реализуется в малой прозе В. Пелевина начала 2000-х годов (например, в рассказах из сборника «ДПП (NN)»). Персонажи данных текстов полностью лишаются монолитной аксиологической платформы, функционируя в перенасыщенном семиотическом пространстве как симулякры экономических или

информационных процессов, что переводит категорию героя из статуса субъекта в статус объекта языковой манипуляции. Важнейшей характеристикой героя становится постоянная готовность к репрезентации игрового модуса. Аксиологические ориентиры такого субъекта нестабильны и трансформируются под воздействием восприятия мира как лабиринта или ризомы. Самоотчуждение лишает персонажа тождественности самому себе: он представляет собой непрерывный поток становления, распада и симуляции. Субъект превращается в негативное пространство, функционирующее в рамках концепций «смерти автора» и «смерти субъекта».

Теоретический базис описания подобных трансформаций был заложен в русском литературоведении еще в конце XX века. В частности, в трудах Н. Е. Лихиной выделяется ряд деструктивных характеристик постмодернистского персонажа, во многом определяющих его структуру и на рубеже веков: «алогизм и немотивированность поступков, непредсказуемость поведения, иррациональность восприятия мира, имманентный страх перед будущим, инстинкт разрушения всего и вся в совокупности с суицидальным комплексом обуславливают стереотип мышления и поведения героев» [3, с. 14].

Данные параметры детерминируют амбивалентность героя: внешняя эстетизация и интеллектуальная утонченность сочетаются с внутренними деструктивными импульсами. Психопатологическая деформация разрушает классическую структуру художественного характера.

Утрата экзистенциальной автономии героя эксплицируется через трансформацию пространственно-временных категорий и актуализацию семантики онтологической пустоты, репрезентированной на уровне заглавий произведений. В постмодернистском нарративе моделируется специфическая темпоральная среда, где синкретический хронотоп нивелирует индивидуальную волю субъекта. Данная тенденция манифестируется в сужении пространства до герметичных локаций,

провоцирующих психологические деформации. Релевантной чертой постмодернистского рассказа становится доминирование героев с выраженными ментальными девиациями, деструкцией коммуникативных связей и шизофреническим расщеплением сознания. В малой прозе В. Пелевина рубежа веков (например, в рассказе «Focus Groups», 2003 г.) внешнее замкнутое пространство пограничной герметичной локации соотносится с тотальной изоляцией сознания героев, для которых посмертная реальность деконструируется до набора ментальных проекций, стереотипов и потребительских симулякров.

Важной авторской стратегией в жанре рассказа выступает онимическая деструкция — лишение героя имени собственного или замещение его буквенным кодом, маской, функцией. Отсутствие имени отражает полную потерю самоидентификации субъекта, его растворение в виртуальном или мифологизированном пространстве текста. Персонаж мигрирует между текстовыми мирами, примеряя симулятивные идентичности. Линейное хронологическое время деконструируется, уступая место статичной пустоте, что разрушает рациональное восприятие фабулы. Мир концептуализируется как тотальный симулякр, поглощающий суверенность литературного характера.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что малая проза рубежа XX–XXI веков зафиксировала финальную стадию распада классической антропоцентрической модели персонажа. Если модернистская литература акцентировала трагизм отчуждения личности, то постмодернистский нарратив переводит деформацию субъекта в сугубо игровой, онтологический план. Персонаж в литературе рубежа веков перестает быть носителем индивидуального сознания и трансформируется в точку пересечения гетерогенных текстовых кодов. Дальнейшее изучение данной проблемы видится в анализе того, как преодоление тотального гносеологического пессимизма в литературе последующих десятилетий (в

рамках метамодернистских или неореалистических тенденций) привело к попыткам регенерации субъекта и возвращения к новой искренности.

Литература

1. Исаева Ю.П. Художественная концепция героя в современной русской прозе (на примере рассказа В. Астафьева «Пролетный гусь»). – Samarqand: Samarqand davlat chet tillar instituti Xorijiy filologiya «til • adabiyot • ta'lim» ilmiy–uslubiy jurnal, 4(93)/ 2024. – 140-144 с.
2. Камилова С.Э. Современный рассказ: содержательные векторы и повествовательные стратегии (динамика жанра в русской и узбекской литературах). Монография. – Ташкент: «Фан ва технология», 2019. – 315 с.
3. Лихина Н.Е. Актуальные проблемы современной русской литературы: Постмодернизм: Учеб. пособ. / Калинингр. ун-т. – Калининград, 1997. – 59 с.
4. Pardaeva Z.J. Functions of hero and fiction in the artistic interpretation of historical actuality. Samarqand: Xorijiy filologiya «til • adabiyot • ta'lim» ilmiy–uslubiy jurnal, 1(90)/ 2024. – 5-12 b.